

СОВЕСТЬ КАК «МЕРИЛО» ДОБРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ АУДИТОРИИ: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ

Бурухин Владислав Витальевич

Аспирант, Уфимский университет науки и технологии
rector@uust.ru

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF THE CONCEPT "CONSCIENCE" IN WORKS FOR CHILDREN AND YOUTH AS AN ELEMENT OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT "GOOD"

V. Burukhin

Summary: The article examines the associative and semantic connection between the concepts of «conscience» and «good» as a fundamental tool for fostering a moral compass and a system of spiritual values in children and young adults. This moral quality is defined based on the lexical and semantic compatibility of words as one of the fundamental concepts in the Russian national worldview. Through a linguistic and cultural analysis, it is revealed that "conscience" is an essential quality of a "good" person, which determines the use of linguistic units associated with this concept in literature. In Jezebel Morgan's novel "Walk Through the Dark Forest", which served as the basis for this article, the significance of conscience in the moral development of an individual and its inseparable connection with the concept of "good" are explored through the lens of fairy-tale and mythological narratives.

Keywords: conscience, linguoculture, upbringing, personality, goodness, concept.

Аннотация: В статье рассматривается ассоциативная и семантическая связь концептов «совесть» и «добро» как основополагающий инструмент воспитания морального стержня и системы духовных ценностей в детско-юношеском возрасте. Данное моральное качество определяется на базе лексико-семантической сочетаемости слов как одно из основополагающих для русской национальной картины мира. На основе лингвокультурологического анализа обнаруживается прочная связь «совести» как обязательного качества «доброго» человека, что определяет использование языковых единиц, входящих в данный концепт в художественной литературе. В романе Джезебел Морган «Иди через тёмный лес», который использовался в качестве материала для статьи, через призму сказочно-мифологического повествования раскрывается значимость совести в нравственном становлении личности и её неразрывная связь с концептом «добро».

Ключевые слова: совесть, лингвокультура, воспитание, личность, добро, концепт.

В современной гуманитарной науке на первый план все чаще выходит проблема воспитания высоких моральных качеств в процессе формирования личности. Особого внимания заслуживает период детско-юношеского возраста, поскольку в это время формируются базовые моральные принципы и ориентиры.

Особое место в воспитании личности занимает художественная литература, где на примере персонажей и их поступков юный читатель формирует свою собственную моральную систему оценки. Художественная литература является важнейшим инструментом воспитательного процесса, именно по этой причине чтение является обязательным на протяжении всего детско-юношеского периода. Произведения, рекомендованные для чтения, чаще всего поднимают вопросы морали и духовных ценностей, пытаются воспитать моральный стержень.

В.А. Сухомлинский утверждал, что нравственное начало должно пронизывать все аспекты воспитания детей. Без усвоения норм нравственности невозможно и

усвоение моральной культуры человечества [10].

Нравственность требует осознания самим человеком разумности того или иного поступка [5]. Следовательно, нравственное воспитание заключается в том, чтобы каждый человек осмыслил ответственность за свои действия и стремился понять, что является разумным и необходимым в условиях своего окружения и следовал этому.

Дальнейшая жизнь человека определяется результатом процесса воспитания личности, по этой причине субъективная оценка и позиция отражается исходя из базовых принципов личности [8, с. 138]. О.Ю. Елькина дополняет это тем, что ценностные ориентиры, сформированные в детстве, являются основой систематизации моральных приоритетов человека [4].

Исходя из вышесказанного следует, что воспитание базовых моральных понятий, таких как мировоззренческая категория «добро», становится первостепенной задачей в процессе воспитания младшего школьного возраста.

«Добро» является одним из важнейших концептом русской лингвокультуры, поскольку лежит в основе традиционного для национальной картины мира христианского мировоззрения. Данное понятие в силу своей многозначности очень тяжело определить точно. Для более-менее точного определения, которое можно соотнести с процессом воспитания, следует сделать анализ словарных статей. Исходя из анализа статей филологического энциклопедического словаря [11, с. 178-180], толковых словарей В.И. Даля [3, с. 425] и С.И. Ожегова [9, с. 168], а также словаря синонимов [1, с. 124], можно дать следующее определение: «добро» – это «проявление положительных, полезных качеств по отношению к кому/чему-либо», ведущих к благу.

Таким образом, человек, обладающий определенными качествами, проявляющий их, оценочно определяется как «добрый». Особой моральной категорией в данном аспекте является такое качество как «совесть». Она выступает неким регулятором поведения, моральным компасом, который направляет человека к «доброму» поведению, что отражается в фразеологии русского языка. «Советь не позволяет», «совесть загрызет» – чаще всего лексема «совесть» используется при олицетворении, обозначая явление, которое так или иначе воздействует на человека, совершившего злой, плохой поступок. Поэтому «добрый» человек не испытывает «совести», поскольку не совершает «плохого».

В связи с этим В.А. Маслова рассматривает концепт «совесть» вместе с такими понятиями, как правда, истина, ложь. Этот концепт также имеет общую когнитивную базу с такими смежными понятиями, как «честь», «вина», «стыд». В тесном взаимодействии они формируют маргинальные концептуальные зоны, влияющие на ценностную ориентацию носителей языка [6, с. 216–227].

О.Н. Григоренко в своей статье, посвященной репрезентации концепта «совесть» в русской лингвокультуре и, в частности, в фразеологии, приходит к выводу о том, что данный концепт чрезвычайно редко находит имплицитное выражение [2]. Это связано с тем, что «совесть» как внутренний регулятор связан когнитивно с самоанализом, а потому находит свое выражение в первую очередь в речи.

В русской национальной лингвокультуре концепт «совесть» репрезентирован также эксплицитно через фразеологизмы с использованием центральной лексемы в разной лексической сочетаемости для более точного описания душевного состояния человека.

Центральная единица «совесть» раскрывает всю глубину данного концепта через разнообразные синтаксические модели, зафиксированные в лексической сочетаемости употребления в фразеологизмах и устойчивых выражениях.

1. Прилагательное + совесть: оценка нравственного состояния. Эта модель позволяет дать качественную характеристику внутреннего состояния человека через призму нравственности: спокойная совесть; чистая совесть; гражданская совесть; больная совесть; нечистая совесть; греховная совесть.

Здесь прилагательные выступают не в прямом, а в переносном значении. Например, «чистая совесть» – в данном примере чистота имеет переносное значение, то есть отсутствие моральных изъянов, ощущение правоты. Напротив, «нечистая совесть» сигнализирует о внутреннем конфликте, осознании совершённого проступка. Таким образом, сочетание фиксирует диалектику «добра» как совершение определенных поступков, исходя из добрых духовных качеств.

2. Совесть + существительное в родительном падеже (кого): указание на принадлежность. Конструкция служит для обозначения принадлежности чувства совести конкретному лицу: совесть человека; совесть гражданина; совесть художника. В данных примерах зависимое слово (название лица) всегда ставится в родительный падеж без предлога. Это предсказуемое управление, подчёркивающее, что совесть – не абстрактная категория, а персональное нравственное чувство.

3. Совесть + глагол: совесть как активный регулятор поведения. В таких сочетаниях совесть олицетворяется, приобретая черты субъекта, способного влиять на мысли, эмоции и действия: Иметь совесть (обладать внутренним нравственным ориентиром, позволяющим различать добро и зло); забыть о совести (временно утратить моральные ориентиры, действовать без оглядки на этические нормы); потерять совесть (полное отрицание нравственных ограничений, сознательное игнорирование морали); отягощать совесть (чем либо) (накапливать груз вины за совершённые поступки); взывать к (чьей либо) совести (пытаться пробудить в человеке нравственное чувство, напомнить о моральных обязанностях); совесть не позволяет сделать (что либо) (внутренний запрет, блокирующий аморальное действие); совесть мучит (переживание угрызений, болезненное осознание неправоты); совесть пробуждается/просыпается (возвращение способности критически оценивать свои поступки); совесть велит/запрещает (совесть как внутренний голос, дающий директивные указания).

Эти конструкции отражают специфическое свойство совести, представленного не в роли пассивного наблюдателя через метафору, а активного участника морального выбора человека.

4. Конструкции с глаголом «быть»: фиксация наличия/отсутствия нравственного чувства. Модели типа «(у кого-либо) есть совесть» и «(у кого-либо) нет совести» выполняют констатирующую функцию. Они не

описывают динамику, а фиксируют состояние: присутствует ли у человека способность к нравственной самооценке. Грамматическая особенность здесь отражает персональную привязку «совести» к носителю через использование с зависимым словом в родительном падеже с предлогом «у» (например, «у него нет совести»).

5. Диалектика концепта: совесть как внешний наставник и как часть «Я». В некоторых фразеологизмах «совесть», используемая в олицетворении, выступает отдельным лицом, своего рода «альтер эго», которое направляет человека. «Совесть не велит (запрещает)» – здесь совесть предстаёт как внешний авторитет, подобный учителю или судье. Она диктует правила, находясь «над» человеком. «Злодеяние (грех) лежит на его совести» – в этом случае совесть становится неотъемлемой частью личности, внутренним пространством, где хранится память о проступках. Она отождествляется с «Я» человека. Эта двойственность отражает глубинный парадокс: совесть одновременно и отделена от субъекта (как объективный моральный закон), и слита с ним (как интимное переживание).

Таким образом, слово «совесть» не просто называет абстрактное понятие, а воплощает сложный нравственный механизм, который не только оценивает поступки конкретного человека, но также выступает внутренним регулятором, который существует как отдельная часть человеческой души. Подобное понимание «совести» демонстрируется в современных художественных произведениях для детско-юношеской аудитории.

Фантастическая диалогия Джезобель Морган «Иди через тёмный лес» можно назвать одним из современных образцов детско-юношеской литературы, поскольку сочетает увлекательность, психологическую достоверность и нравственный потенциал: центральная героиня-подросток сталкивается с типичными для этого возраста вызовами (поиск самоидентичности, преодоление страхов), что позволяет читателю легко проецировать на себя её переживания; метафоричный язык и элементы фэнтези помогают обсуждать сложные темы морали доступной форме.

В данном тексте «совесть» также является частью глобального мировоззренческого концепта «добро», проявляя все вышеназванные признаки, отраженные в основополагающем для сюжета выборе главной героини – девушки Алены, которая должна спасти свою сестру Марию из заточения в потустороннем мире Нави. Узы персонажа с сестрой разрушаются из-за трагической смерти отца героини: оставшиеся члены семьи Алены отчуждаются друг от друга, а потому героиня не чувствует привязанности к сестре и может начать новую жизнь, но «совесть» не дает ей оставить родственника в опасности.

Концепт «совесть» репрезентируется в тексте романа прежде всего эксплицитно через внутренний монолог главной героини, что потом отражается на поступках персонажа и его мотивации, что ассоциативно может быть отнесено с «добром».

Центральная лексема «совесть» используется в контекстуальной связи с концептом «ответственность». В размышлениях героини оба моральных понятия принимают близкое, почти синонимичное значение: «...я собираюсь использовать его целиком, чтобы в самом конце посмотреть в глаза своей совести и сказать: “Я сделала все, что могла”» [7, с. 113]; «Я помогу ему, – пообещала я себе, привычным ударом по хребту усмиряя поднявшую змеиную голову совесть, – потом. Сначала Марья» [7, с. 163]. Старшая сестра Анна испытывает муки «совести», поскольку несет «ответственность» за младшую и вынуждена жертвовать собой, постоянно проявлять свои положительные качества, такие как храбрость, честность и готовность помочь, чтобы спасти родственника.

В приведенных фрагментах текста «совесть» проявляет качества внутреннего «судьи» в метафоре с использованием олицетворением, где данное качество приобретает антропоморфные, человеческие черты, в том числе «глаза», в которые герою будет морально тяжело смотреть, соверши он «недобрый поступок». Таким образом, контекстуально отражается принадлежность героя к «добру» через мотивацию не испытывать «совесть», что подталкивает к определенным делам.

В таком же контексте позже в романе используется лексема «совесть» уже в более отчужденном, обособленном от носителя варианте:

«– И не это ли тебя гнетет? Твоей совести было бы спокойнее, если б она сама положила голову на плаху, не так ли? – Моей совести было б спокойнее, если б я погиб в Нави» [7, с. 306]. В данном диалоге «совесть» грамматически почти никак не связана с личностью носителя (кроме использования притяжательного местоимения), наоборот она метафорически выступает отдельной сущностью, которая может испытывать беспокойство, а также находиться в состоянии покоя в зависимости от поступка человека. В контексте данной сцены романа речь идет о самопожертвовании ради другого человека: «совесть» персонажа была бы в спокойствии в случае, если из-за действий героя не пострадал кто-то другой, иначе говоря, он говор принять собственную гибель вместо чужой.

Синонимичной лексемой в романе представлена единица «стыд» и однокоренные слова, то есть единицы со значением «ощущения совести», но с более негативной коннотацией. Связь «совести» с поведением героев сохраняется даже когда речь идет о более несерьезных вещах в романе. Демонстрирует свою ассоциацию с определенными действиями «доброего» / «злого» свой-

ства использование центральной лексемы концепта описании сцены, когда героине посреди тяжелого путешествия выпадает возможность помыться в бане, где она встречает банника – представителя нечистой силы. *«Вот девки пошли, – широко ухмыльнулся дед. – Ни стыда, ни совести, даже прикрыться не пытается!»* [7, с. 74] – говорит нечисть, увидев девушку. Несмотря на то, что в контексте сцены данная реплика используется с иронией (девушка нагая, потому что находится в бане), но связь с «совестью» сохраняется через ассоциацию с моделью поведения: показывать наготу публично – является примером непристойного, плохого поведения, то есть является качеством человека «злого» / «плохого», лишенного совести.

Через лексемы с корнем -стыд- происходит выражается оценка поступков: в этих случаях автор лексически демонстрирует читателю душевное, моральное состояние героя. *«Уходил он подавленный, явно стыдясь своих едких насмешек»* [7, с. 24]; *«Мне было немного стыдно пугать глупого ребенка, и так уже запуганного до смерти серебряной княгиней, но благополучие волка меня волновало больше»* [7, с. 77]; *«Волк, не пожелавший ждать меня во дворе, стыдливо уселся носом в стену»* [7, с. 74]; *«Ай-яй-яй, Марья, и не стыдно такой благородной девушке сыпать пустыми обвинениями?»* [7, с. 340]. В большинстве случаев в тексте Джезобель Морган используется именно наречие «стыдно» (десять раз), поскольку данная часть речи изначально обозначает признак действия, то автор употребляет её по прямому назначению, давая точную оценку «плохим», «бессовестным» действиям героев, таким образом демонстрируя читателю результат совершения злых поступков в виде неприятных душевных ощущений в виде «стыда».

В репрезентации значения «совесть» в таком же контексте используются лексемы «честь\честно» и однокоренные единицы, поскольку уровень «честность» как характеристика поступка или человека являются отражением «совести» личности. В этом значении лексемы с корнем -честн- встречаются в романе 14 раз в сочетании с глаголами и деепричастиями, то есть единицами, обозначающими действие, что демонстрирует моральный уровень поступков героя: *«Честно говоря, мне не хватало охотника»* [7, с. 134]; *«я честно призналась себе...»* [7, с. 157]; *«Буду честна сама с собой»* [7, с. 109].

В контексте данного романа лексемы «честно/честный» обнаруживают особую связь с концептом «совесть» сразу в нескольких аспектах. Во-первых, как мы уже говорили ранее, «совесть» выступает в качестве внутреннего морального регулятора человека, и в данном смысле единицы с корнем -честн- употребляются в лексической сочетаемости с глаголами действия в значении «говoreния» или «мысли», то есть внутреннего монолога героя: *«Дар жар-птицы – всегда быть честной с собой, всегда осознавать даже самые тайные и темные желания»* [7, с. 335]; *«Честно говоря, тихое и странное, когда кроме Аксиньи и слуг других не было, оно нравилось Марье гораздо больше»* [7, с. 261]; *«Честно сказать, я соскучилась по нашей пыльной зиме»* [7, с. 202].

Во-вторых, как видно из приведенных выше фрагментов, данный концепт косвенно выражен в тексте имплицитно через собственные поступки и соответствующее оценки по системе собственной морали («честно сказать», «быть честной»). Глаголы действия, которые показывают поступок героя, сразу выражают мотивацию персонажа, то есть его собственные моральные приоритеты: что он считает честным, соответствует ли это его совести.

Таким образом, автор через прямую речь и внутренний монолог героев подается моральная оценка действий, мотивацией которых является проявление собственной доброты. Роман «Иди через темный лес» демонстрирует, что добро реализуется не через абстрактные идеалы, а через конкретные действия, продиктованные совестью: готовность к самопожертвованию, эмпатия, верность обязательствам. Эксплицитное выражение концепта «совесть», подкрепляемое имплицитным становится уникальным инструментом создания смыслового поля «добра», так как данное явление в художественном произведении для детско-юношеской аудитории может быть достаточно сложным для понимания. По этой причине такие достаточно простые примеры поступков героя, которые легко оценить, выраженные определенными языковыми средствами, становятся важным инструментом формирования морального стержня и системы духовных ценностей у формирующейся личности. Через создание прочной ассоциативной связи между «совестью» и «добром» происходит важное для воспитания осознание последствий собственных поступков, что очень хорошо показано в художественной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 433 с.
2. Григоренко О.Н. Концепт совести в русских пословицах и поговорках // Теория и практика современной науки, № 10 (16), 2016, С. 97-100.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Рус. яз. - Медиа, 2011. Т. 1. 699 с.
4. Елькина О.Ю. Продуктивный опыт младшего школьника: состояние и перспективы развития: Книга для учителя: Моногр. – М.: ИСМО РАО; Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2006. – 160 с.

5. Емельянова И.Н. Теория и методика воспитания [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / И.Н. Емельянова. – М.: Академия, 2008. – 256 с.
6. Маслова В.А. Нравственные концепты – правда, истина, ложь, совесть // Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с. С. 216–227.
7. Морган Д. Иди через темный лес. – М.: Эксмо, 2021. – 348 с.
8. Овчинников Д.А. Формирование у учащихся субъектного позиционирования в учебном процессе гимназии // Школьные технологии. – 2002. № 6. С.138-146.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
10. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека: советы воспитателям [Текст] / В.А. Сухомлинский. – М.: Педагогика, 1990. – 287 с.
11. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

© Бурухин Владислав Витальевич (rector@uust.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»